

мой, нравственность нельзя подменить страхом и стыдом. Наши представления о достойном и недостойном и есть нравственность. Где нет корысти и обмана, там нет безнравственности».

Яшпал сообщает героям повести характеры почти уникальные. И герои не остаются в долгу перед их создателем. Они в свой черед помогают Яшпалу своими субъективными качествами строить модель новых человеческих отношений между мужчиной и женщиной, о которых в простонародье говорят, что «они жили долго и счастливо и умерли в один день». Яшпал потом рассматривает этот союз как частицу нового общества новой Индии.

Индия, далекая страна. Другое солнце, другая жизнь... Она вспоминается мне часто. Приходит вдруг среди житейской суеты толчком теплого ветра, пресыщенного запахом горького миндаля, движением усталой женской руки, молчаливой печалью заката. Но это, так сказать, нюансы, ощущения прошлого.

Я помню вереницы полуголых людей с корзинами бетона на головах на строительстве школы в Амритсаре, пахнущие краской аудитории институтов Бомбея, Шейлу Нагаркати из Дехрадуна — первую женщину-геофизика и Амину Шанкар — первую женщину-врача.

Помню, как по дороге в Джайпур, прямо у обочины, стонало от страха и боли едва живое существо и сотни темноликих крестьян били в барабаны и выкрикивали заклинания, изгоняя злых духов из бесплодного тела полуженщины-полуробенка. И перекошенный страданием голодный детский рот. Визит английской королевы. Плач трубы по всем погибшим.

Помню освободительную войну в Гоа. И открытые двери тюрем. Слова молитвы прихожан в католическом храме в Олд-Гоа: «Боже, сделай так, чтобы сюда никогда не вернулись португальцы!»

И демонстрацию делегатов первого съезда Всеиндийской федерации молодежи в Хайдарабаде. На ночной площади нас ждали беснующиеся молодчики из профашистской партии «Сватантра». Впереди шел Сарада Митра, секретарь федерации. Раздельно, словно выговаривая лозунги, читал он стихи Федерико Гарсиа Лорки.

Индийской Республике только двадцать пять лет. Идет сложнейший процесс реконструкции, политическое и экономическое преобразование страны. Острое идейное зрение Яшпала вырывает из тесного сплетения многослойных проблем одну из проблем первого порядка — зарождение новой морали.

В Индии о книге много говорили, много спорили. Она оказалась в центре внимания. Вышедшая в 1963 году повесть Яшпала выразила идейные устремления прогрессивной индийской интеллигенции, однако значение ее морально-философской проблематики было понято не сразу. Критикуя Яшпала, один из индийских литературоведов писал: «Повесть не похожа на другие про-

изведения писателя потому, что в ней отсутствует политический подтекст. На сей раз проблемы, которые стоят перед героями, разрешаются не в связи с социально-политическими переменами в стране, а категоричным выбором героев, их желанием отказать от мертвых моральных правил. Герои повести проходят через интимные и психологические коллизии. Все это попахивает экзистенциализмом».

Не секрет, что те изменения, которые происходят в психологии личности, всегда находятся на некотором расстоянии от коренной ломки старого быта и вымороченных нравственных устоев, умирающих на изломах истории далеко не мгновенно. Намеренно замедленные размышления писателя о любви, без излишнего любопытства к интимным отношениям героев, о социальной психологии, вера в возможность преобразования своей жизни собственными силами составляют основной стержень повести Яшпала «Двенадцать часов». Сопутник и единомышленник Саджада Захира, Али Сардара Джафри, Кришана Чандара, Яшпал показывает процесс «очеловечивания» человека, задавленного устойчивыми религиозными традициями, утлой рабской психологией.

Еще в 20-е годы Яшпал встает на путь освободительной борьбы. Арест, смертный приговор, замененный долгосрочным тюремным заключением, знакомство с марксистским учением, нелегкий труд писателя, принесший ему мировую известность. Автор десяти романов, посвященных национально-освободительной борьбе индийского народа, продолжатель традиций, заложенных в индийской литературе Свами Даянандом Сарасвати и Прем Чандом, Яшпал пишет один из первых в литературе хинди романов-эпопей — «Ложную правду»¹, который охватывает события, предшествующие завоеванию Индией независимости и первые годы существования Республики.

И вот повесть «Двенадцать часов». Мягкая, лиричная, «не похожая» на предыдущие произведения писателя, но такая же нетерпимая к порокам общества.

С. ПОЧИВАЛОВА

БОЛЕЗНЬ ДЗЕНО

И тало Звево. Самопознание Дзено. Перевод с итальянского С. Бушуевой. Вступительная статья С. Ошерова. Ленинград, «Художественная литература», 1972. 440 стр.

 оман требует некоторого усилия. Но прочитать его надо. Это одно из значительных литературных произведений нашего мчащегося к своему завершению XX столетия. Человеку важно знать о себе все. Еще важнее, чтобы себя познало чело-

¹ См. «Иностранную литературу» № 5. 1964 г.

вечество. Только так ему, может быть, удастся предотвратить тот катастрофический взрыв, о котором сказано на последней странице «Самопознания Дзено».

Автор «Дзено», видимо, мало знаком советскому читателю. Его почти не переводили. Даже имя его у нас пока что пишут по-разному. Много повидавший И. Г. Эренбург отметил в своих мемуарах: «Ужин ПЭН-клуба я вспоминаю с благодарностью — там я познакомился с Джойсом и с итальянским писателем Итало Свево. Они были давними друзьями: Джойс много лет прожил в Триесте, а Итало Свево (его настоящее имя Этторе Шмиц) был триестинец. За столом они сидели рядом».

Тут все правильно. Если автора «Дзено» называть Свево, станет непонятен смысловой псевдоним, взятый Этторе Шмицем. Для итальянцев он звучит «итало-шваб», а швабы восходят к древнегерманскому племени свевов.

На ужине в ПЭН-клубе — дело было в 1927 году — Эренбурга больше занимал Джойс, однако он сразу сумел оценить и его, в ту пору весьма уже пожилого, соседа: «Свево часто называли дилетантом: он был промышленником, за всю жизнь написал всего несколько книг. Но роль его в разрушении старых форм бесспорна: его имя можно поставить рядом с Джеймсом, Марселем Прустом, Джойсом, Андреем Белым». В точно таком же окружении автор «Дзено» появляется во всех посвященных ему современных итальянских, немецких, американских работах. Только в них вместо Андрея Белого фигурируют Музиль, Томас Манн и Кафка. Упоминается также Фрейд.

Свево от своих соседей не отгораживался. Он был одним из первых читателей «Дублинцев» и познакомился с работами знаменитого венского психиатра задолго до того, как в Европе началась мода на психоанализ. В последние годы жизни он увлекался «Процессом» и «Замком»: они были ему близки и очень понятны, потому что до 1918 года италиязычный Триест входил в состав Австро-Венгерской империи и жизнь в нем напоминала кафкианскую Прагу.

Не будем, однако, спешить с зачислением Свево в разряд модернистов. Наши представления о реалистическом романе XX века делаются все более конкретными и точными. Роман «Самопознание Дзено» напечатан ровно пятьдесят лет назад, но перевели его у нас как раз вовремя.

Это — третий и последний роман Итало Свево. До «Дзено» он написал «Жизнь» (1892) и «Старость» (1898). Романы эти не имели в конце XIX века никакого успеха. Молодой Свево оглядывался на Золя, сотрудничал в итальянском социалистическом журнале «Критика социале» и старательно осваивал уроки великих русских реалистов: Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гончарова.

О первых романах Свево, о причинах их непопулярности, а также об их связи с «Дзено» хорошо рассказано в превосходной вступительной статье С. Ошерова. В ней процитировано одно из последних писем

Итало Свево: «Быть может, не останется незамеченным, что всю свою жизнь я писал один роман». Вероятно, это действительно так. Тем не менее, даже рассматривая романы Свево как своего рода трилогию, нельзя не заметить разительных отличий «Дзено» от предшествующей ему «Старости». Эти романы отделяют друг от друга не просто двадцать пять лет: они принадлежат к двум разным эпохам в истории европейской литературы.

За двадцать пять лет Итало Свево не опубликовал ни строчки. В эти годы он превратился из мелкого клерка в преуспевающего дельца. Однако столь длительное молчание писателя объясняется, по-видимому, все-таки не тем, что Этторе Шмиц считал занятия литературой не совместимыми с интересами фирмы. Свево не был дилетантом, но он не был и тем самодовольным филистером, каким выглядит на некоторых из своих фотографий. Свево никогда не переставал писать. Но как писать, он уже не знал. Он остро почувствовал наступление нового столетия и понял, что поставленные веком проблемы не разрешить с помощью добропорядочного позитивизма Тэна, идеалистической диалектики Де Санктиса и примитивной социологии Филиппо Турати. Он разочаровался в изобразительных возможностях «экспериментального романа» и стал искать новую повествовательную форму.

Это был мучительный процесс. Вот одна из дневниковых записей: «Декабрь 1920 года. Я вношу заметки в свой дневник последних лет без всякого намерения опубликовать их. Сейчас, и на этот раз уже окончательно, я полностью исключил из своей жизни ту смешную и вредную штуку, которая зовется литературой. С помощью этих страниц я хочу лишь прийти к лучшему пониманию самого себя».

В декабре 1920 года роман о Дзено был уже начат. Свево принимал тысячи «железных решений» отказаться от дурной привычки думать с пером в руке и продолжал писать. С. Ошеров имел все основания озаглавить свою статью «Самопознание Этторе Шмица». Но, конечно, Дзено Козини не тождествен автору. Последний роман Итало Свево — не автопортрет художника в старости.

Дзено познает не только себя, но и окружающий его мир. Именно поэтому роман обрамляет сердитый спор между рассказывающим о себе героем и издателем его рукописи, доктором С., которому кажется, что Дзено не только врет, но и пишет о вещах, к делу не относящихся.

По замыслу доктора С., Дзено должен был бы вылечиться, разобравшись в причинах своей болезни. Он считает, что болезнь Дзено — психоз, порожденный комплексом неполноценности. Но Дзено в психоанализ не верит и все время потешается над лечащим его фрейдистом. В романе много иронии и сарказма, часто горького,

трагического. Чувствуется, что в молодости автор увлекался Жан Полем и Гейне, а также пессимистическими построениями Артура Шопенгауэра. Объектом иронии в последнем романе Итало Свево становится не только доктор С. и не только окружающее Дзено общество триестинских дельцов, но и вообще современное ему человечество.

Стареющий писатель не сумел до конца разобраться в загадках молодого XX века. Он проявил мало интереса к великим социальным преобразованиям, начавшимся после 1917 года на родине Тургенева и Достоевского. Однако захлестнувший Италию фашизм внушал ему глубочайшее отвращение. Несмотря на весь свой скептицизм, Свево не счел себя вправе молчать и в 1923 году напечатал роман, чтобы предупредить искореженную войной Европу о грозящей ей катастрофе.

В 1927 году Итало Свево сказал в письме к итальянскому писателю Пьеро Жайе: «Мы — живой протест против смехотворной концепции сверхчеловека». В данном случае имелась в виду не только националистическая риторика Д'Аннунцио и Маринетти. Автор «Самопознания Дзено» уже хорошо понимал, что постаментом для «сильной личности» служит позорное равнодушие обывателя, желающего во что бы то ни стало быть таким же, «как все».

Новым в третьем романе Свево было не изображение внешнего мира сквозь призму сознания героя (так писал еще молодой Толстой), а взаимоотношения между сознанием и миром.

В романах XIX века писатель отвергал буржуазную действительность, противопоставляя ей человечность героя, гениального или даже посредственного. Так построены «Кот Мурр», «Идиот», «Госпожа Бовари». Свево объявляет подобное противопоставление иллюзией. Молодому Дзено лишь кажется, что он, никчемный, смешной дилетант, в чем-то человечнее и оригинальнее, нежели преуспевающий в жизни толстокожий делец Мальфенти и его счастливый соперник Гуидо — существо еще более никчемное, ничтожное и эгои-

стичное, чем он сам. Самопознание приводит Дзено к самоотождествлению с пошлым миром, который он поначалу вроде бы считал враждебным себе и человечности. Он излечивается от своих комплексов, обнаруживая, что он точно такой же, как все. Но именно это и служит для Свево свидетельством того, что болен не герой, а окружающее его человечество. «Выздоровление» Дзено описано так: «...Я начал покупать. Я подчеркиваю этот глагол, потому что теперь он имеет смысл более высокий, чем до войны».

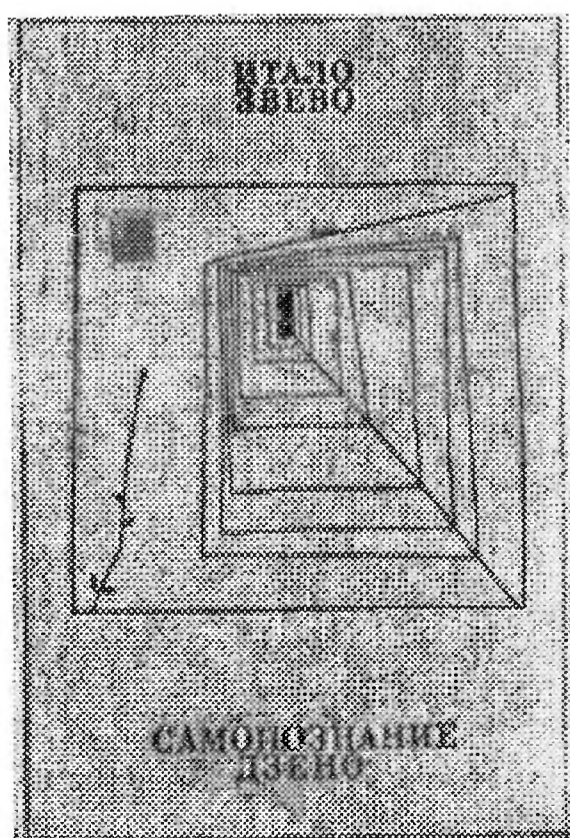
Итало Свево отверг самопознание, ведущее к самодовольству и к примирению с болезнью века, но уповал он только на познание. Склонный к пессимизму и к апокалипсическим пророчествам, он все-таки надеялся, что люди сумеют еще что-то предпринять, осознав всю трагичность сложившейся ситуации.

В конце «Самопознания Дзено» автор обособляется от героя. Это Свево, а не Дзено говорит на последних страницах романа:

«Современная жизнь подточена в самых своих корнях. Человек вытеснил из нее деревья и животных, отравил воздух, занял все свободное пространство. Но может произойти и худшее. Человек, это грустное и деятельное животное, может открыть и поставить себе на службу другие силы. Угроза эта носится в воздухе».

В 1923 году было еще далеко и до понимания последствий научно-технической революции, и до так называемого «неокапиталистического» общества потребления, но Свево осознал всю опасность конформистской «нормальности» и предугадал, что технический прогресс принесет человечеству не одни только блага: «Нацепивший очки человек вместо того, чтобы совершенствовать свое тело, придумывает всякие приспособления, которые его дополняют, и, если здоровье и благородство еще живет в тех, кто изобретает все эти приспособления, то уж у тех, кто ими пользуется, как правило, нет ни того, ни другого... Когда людям станет мало даже отравляющих газов, какой-нибудь человек, ничем не отличающийся от прочих, в уединении своей комнаты, каких тоже множество на земле, изобретет небывалое взрывчатое вещество, в сравнении с которым все, что существует сейчас, покажется детской игрушкой. И другой человек, тоже ничем не отличающийся от прочих, разве что чуть более больной, украдет это вещество и поместит его в самом центре земли, где его действие окажется наиболее разрушительным».

Предупреждения, завершающие «Самопознание Дзено», казалось бы, мало вытекают из исповеди человека без качеств. Но связь тут есть. Идет время, и она становится все более очевидной. Не случайно именно после второй мировой войны произошло второе открытие Итало Свево. В статье С. Ошерова приведены слова большого итальянского поэта Монтале, сказанные в 1946 году: «Сегодня у нас нет ни одного

молодого автора новелл или романов — неовериста или неонатуралиста, который бы не признавался, что многим обязан Свево... Свево и с ним более молодые неореалисты создали школу».

Школа эта не ограничивается литературными приемами, которые отмирали и отмирают. С каждым годом у «Дзено» появляются новые читатели во всех уголках земли. И это, по-моему, хорошо.

Р. ХЛОДОВСКИЙ

*Издано
за рубежом*

ПОЧЕМУ СОЛОВЕЙ ГОЛУБОЙ?

Erwin Strittmatter. Die blaue Nachtigall oder Der Anfang von etwas. Berlin, Aufbau-Verlag, 1972.

Если судить по короткому предисловию к небольшой книге, названной Эрвином Штриттматтером «Голубой соловей, или Начало чего-то», писатель стремился вернуть утраченное жизнеощущение, которое свойственно детству. Дед катит тележку, внук уселся в ней, и «музыка вселенной» наполняет его, хотя он не прилагает никаких усилий к ее восприятию. Эрвин Штриттматтер надеется не только воссоздать это ощущение, но и выяснить, нельзя ли, поняв, чем оно обусловлено, заново испытать его тогда, когда детство давно кончилось. Вот почему писатель именует свою книгу «поисковым опытом».

К сожалению, вряд ли возможно повторить неповторимое, хотя то, что особенно привлекает Эрвина Штриттматтера в детском жизнеощущении — его поэтичность, — присуще не только детям. Однако новая книга едва ли не самого поэтичного из сегодняшних прозаиков ГДР действительно может быть названа поисковым опытом. Эрвин Штриттматтер ищет и находит необычную форму повествования, которая не укладывается в рамки обычных понятий о том или ином жанре. Он повествует о своем детстве и ранней юности, но его книга не относится к разряду мемуарной литературы, хотя близкие ему люди названы в ней подлинными именами. Детство и ранняя юность вспоминаются от случая к случаю. И каждый случай интересен не столько сам по себе, сколько тем, какие мысли вызывают воспоминания о нем.

Эти мысли незаметно становятся общезначимыми, причем касаются они не только того времени, когда шестидесятилетний писатель был ребенком и юношей. Скажем,

Эрвин Штриттматтер сообщает, что родился в Германии. Констатация этого факта наталкивает на мысли, выходящие далеко за его пределы. Штриттматтер говорит, что в Германии у мужчин «стародавнее пристрастие» к путешествиям в чужие края, куда они позволяют себя посылать и где их пребывание становится причиной неисчислимых бедствий. Из-за этого в Германии сплошь да рядом новорожденные лишались возможности познакомиться со своими отцами. Нечто подобное произошло и с Эрвином, которому в начале первой мировой войны было всего два года. Слово невзначай писатель касается того, что во многом определяет его отношение к жизни. Ему ненавистно все антигуманистическое, и в первую очередь кровавые войны, дважды на его веку обездолившие человечество.

Рассказывая о том, как его дед, ругаясь и плача, отводил на бойню искалеченную лошадь, Штриттматтер — опять словно невзначай — пускается в рассуждения, уводящие его в глубь социальных и моральных проблем, связанных с фашизмом. Если человек убивает не скотину, а себе подобно, но это убийство будто бы оправдывается общественными интересами, он не терзается угрызениями совести, говорит Штриттматтер, ответственность за содеянное, возложенная на некую, именуемую обществом, абстрактную величину, оказывается бесконечно малой; в конце концов получается, что убийца — вроде бы и не убийца. Так разоблачается обман и самообман, посредством которых при фашизме человек превращается в зверя. Так рождается своеобразная писательская манера: комментарии к фактам обретают большее значение, чем факты.

Конечно, комментируются и такие факты, из которых не извлекается политический смысл. К примеру, Эрвин Штриттматтер вспоминает, как дед подбрасывал его, маленького, под потолок и как с высоты полета все в комнате виделось ему по-другому. В этом, по мнению Штриттматтера, есть что-то общее с художественным творчеством, которое немислимо без способности смотреть на вещи под особым углом зрения.

И все же не следует представлять себе книгу «Голубой соловей» как некую совокупность интересных размышлений по всевозможным поводам. Она отличается помимо блестящего ассоциативного мышления и впечатляющим изображением жизненных обстоятельств и жизненных судеб, памятных писателю с детства. Это изображение не плоскостное. Пожалуй, наиболее объемной получилась у художника фигура деда Кульки (Штриттматтер по матери — лужицкий серб, отсюда и славянская фамилия деда). Думается, что дед Кулька не только послужил прообразом старого Краске из повести «Тинко», но у него позаимствованы и кое-какие черты характера главного героя романа «Оле Бинкоп». Такое предпо-

СРЕДИ КНИГ